Аргаррон стоял перед черным каменным шаром, вытянув вперед руку и согнув когтистые пальцы. Его пасть шевелилась, когда архидемон шептал заклинания, а в шаре быстро перемещалось изображение каенорского пейзажа. Недавно его магический взор пересек границу с шуолами и направился к столице. Отвлекающий маневр с посольством удался, и засечь магическое вторжение теперь было почти невозможно, если только кто-нибудь не будет искать его специально.

«Я вижу тебя, – подумал Аргаррон, – Не надейся спокойно прожить оставшийся тебе до смерти срок, мальчишка…»

Странное облако в форме руки тянулось через небо, оставляя за собой почти километровый шлейф. Аргаррон позаимствовал основу для этого заклинания в каком-то захолустном мире, где четыре мага, разделившие между собой власть над первичными стихиями, пытались остановить технический прогресс смертных. Вернее, это один хотел остановить смертных, а остальные позорно бежали, укрыв свою страну туманом невидимости. При этом они еще и предали своего брата, не поддержав его в ответственный момент. Более того, всеми силами строили козни, вызвав даже человека из техногенного мира.

Аргаррон поморщился, вспомнив о трех жалких созданиях, пожертвовавших могуществом ради блага смертных. Он успел списать себе наиболее полезные заклинания четвертого брата, немного их изменил для собственных нужд, и в результате получил целый арсенал полезной магии.

Облако тем временем продолжало движение. Его могли бы заметить, но оно подлетело к населенным островам, когда уже спустилась ночь, и сгусток черной магии было трудно заметить и даже засечь – направлено колдовство было только на одного индивида, сейчас находящегося в Радужном Городе.

В середине ночи на пути заклятья Аргаррона встала защита Радужного Города. Архидемон не стал пытаться ее пробить – это было не то чтобы бессмысленно, но всполошило бы всех квостров в Каеноре. Облако вытянулось в тончайшую нить и стало просачиваться сквозь узор умело поставленной защиты.

Нить мрака в подсвеченной темноте городской ночи проскользнула в канализацию, потом по трубе поднялось вверх, к покоям на вершине одной из башен…

Аргаррон улыбнулся, когда его заклинание в формы руки, словно гигантская кобра, поднялось над ложем, где лежал Избранник, а в его объятиях сладко дремала ворожея Лия. Архидемон опустил свою руку, и заклинание обрушилось на спящих.

Ростислав, отдыхающий перед ответственным днем, проснулся от холода, и не сразу понял, где он. Кругом клубилась черная мгла, а Лия дрожа от холода, сжавшись в комочек. Ростислав, произнеся короткое заклинание, посмотрел на потоки магии волшебным, истинным, как это

называли квостры, зрением. В следующий миг он испуганно вскрикнул и затряс ворожею за плечо:

– Проснись, Лия! – закричал он, – Проснись!

Девушка открыла глаза, после чего тут же с криком вскочила. У нее, как у волшебницы Света, магия Аргаррона, казалось, пронзала самую душу. Вокруг кружились нити магии Тьмы, непонятно как проникшие в самое сердце Радужного Города, а среди этой круговерти вырисовывались контуры страшной когтистой руки, тянущейся к влюбленным.

Ростислав от ужаса позабыл все на свете заклинания, а дотянуться до меча Огнекрылого не было никакой возможности – тот остался в соседней комнате висеть на стене. Мирлас тоже был в отдельной комнате, которую делил с Г’рэгом, заявившим, что он может разделить комнату с лотофагом, так как не нуждается в уединении по ночам. К тому же, вряд ли он мог чем-то помочь против самого Аргаррона. В том, что это дело рук Аргаррона, юноша не сомневался, но эти мысли были где-то на заднем плане.

Ворожея случайно дотронулась до потока Тьмы и, ахнув, потеряла сознание, а на ее лицо нахлынула мертвенная бледность. Узор Тьмы дернулся, словно от боли, и Ростислава это словно отрезвило. Он протянул вперед руки и начал говорить заклинание, направленное как раз для противодействия чарам Тьмы. Чары были сыроватыми, еще не закрепленные практическими упражнениями, но другого выхода не было.

В узоре Тьмы раздался хор голосов, сбивающий сосредоточение Ростислава. Тот не хотел прислушиваться, но хор замогильных голосов вкручивался в мозг, словно мерзкое, грязное и тупое сверло. Заклинание сбилось, и вместо сокрушающего потока света с рук юноши сорвались жалкие искорки, которые даже не сплелись в нити.

А слова продолжали звучать, приобретая смысл:

Умри внутри,

Навек без слёз.

Сотри, сорви

Цветы из грёз.

Убей скорей

На части боль,

Порви, разбей

На счастье роль.

Ростислав замотал головой, схватившись за виски. Он понимал, что это эмоционально-псионическая атака, что надо бороться, но слова, вдавливаемые в сознание, навевали такую тоску, что не хотелось даже двигаться, не то, что с чем-то бороться.

Слова продолжали звучать, скручивая сознание путами страха и отчаяния:

Усни, уйди.

В себя, во мрак.

Во сне найди

Ничто, никак.

Замкни, закрой

Души замок.

Забудь, зарой

Все, что не смог.

Забей, запри

Вовне окно.

Молчи, смотри

Пусть всё равно...

– Хватит! – заорал юноша, вскакивая, – Не надо!!!

По его щекам покатились слезы. Коротков разревелся, как обиженный маленький ребенок, хотя умом продолжал понимать, что это все чары Аргаррона, что нет никакой беды, способной вселить в сердце такую тоску или вызвать совершенно непотребную истерику.

Но чувства, увлекаемые чужой магией, отказывались внимать доводам разума, и Избранник становился все более беспомощным и безразличным. Явись сейчас в комнату гарры и начни его вязать – Ростислав бы не сопротивлялся. Ему было бы попросту все равно.

Аргаррон на другом конце протянувшегося через половину Каенора заклинания, расхохотался и сомкнул контур заклинания на Лии. В комнате Избранника все смешалось в круговороте мрака, и для Ростислава мир перестал существовать. Лия вскрикнула где-то сбоку, но ее голос резко оборвался, словно ворожее заткнули рот. Ростислав рванулся было на голос любимой, но вяло, и даже не сделал пару шагов, как рухнул на пол и беспомощно разрыдался…

Архидемон резко дернул рукой на себя, ощущая в ладони что-то теплое и живое. Его заклинание резко прекратилось, скрыв вспышку портала, а в комнате Избранника остался он один.

Лия, закрывшись руками и крыльями, тихо плакала на полу заклинательного покоя Аргаррона. Архидемон быстро принял облик крылатого человека в черном костюме и подошел к ворожее.

– Добро пожаловать, – сказал он, положив холеную руку на закрытое ночной рубашкой плечо девушки.

Та вздрогнула и, перестав плакать, подняла взгляд.

– Аргаррон! – воскликнула она и отшатнулась.

– Он самый, – архидемон усмехнулся, – А ты ожидала увидеть своего возлюбленного Ростика?

Ворожея не ответила, но между ее ладоней сформировался шар золотистого огня. На лице Аргаррона заиграла снисходительная ухмылка.

– Ну, брось, – сказал он, – Меня это, в крайнем случае, только разозлит.

– Что тебе надо от меня?

– Сущий пустяк. Твою жизнь, кровь, душу и все остальное, – улыбка Аргаррона стала шире, когда он заметил, как по вроде бы беспристрастному лицу девушки пробежала тень страха, – А также все то же самое от твоего Избранника.

– Никогда, пока жив хоть один квостр! – слегка театрально воскликнула девушка.

– За этим дело не станет, – Аргаррон позволил себе рассмеяться, – На другое я просто не смел надеяться.

Он шагнул вперед, и резко ударил Лию по лицу. Девушка ахнула и отлетела на пару метров,

выронив огненный шар, который улетел под потолок и там взорвался, распугав и поджарив пару десятков местного аналога летучих мышей.

Ворожея поднялась на ноги. На ее скуле был свежий кровоподтек, но в глазах не было ни страха, ни слез.

– Какая доблесть – могучий Аргаррон учиняет кулачные бои с девушкой, – презрительно бросила она, после чего протянула руки, с которых сорвался поток яркого белого света.

Аргаррон гневно заревел, когда свет опалил его одежду и лицо. Он взмахнул рукой, блокируя чары девушки, и свет сразу же потух. Вне своего квода ворожея не представляла для архидемона опасности, да, впрочем, и с тремя-четырьмя кводами он бы справился, не особенно напрягаясь.

– Стража! – рявкнул Аргаррон, подойдя к ворожее и заломив ей руку.

Вошли двое гвардейцев-гарров с черными алебардами и вытянулись по стойке «смирно».

– В темницу, – приказал архидемон, – Но кормить нормально, и приносите ей то, что она попросит… Кроме оружия и магических предметов, разумеется.

Стражники кивнули и взяли Лию под руки. Повинуясь мановению руки Аргаррона, на ее руках и крыльях появились кандалы, блокирующие действие любых чар. Ворожею увели, и архидемон с довольным видом зачеркнул еще одну строку в своем плане, который лежал на столе.

Еще один пункт. Еще один шаг к божественной власти.

* * *

Архимаг Лоарин стоял над постелью, на которой, рыдая в подушку, лежал Ростислав.

Присутствующий здесь же Ломдар-Каюн объяснил, что подобное состояние юноши было вызвано магией Аргаррона, и что нужен всего лишь покой на пару дней, чтобы прийти в норму. С исцеляющей магией сейчас лучше было не лезть – после атаки на эмоциональном уровне у Ростислава оказалась расшатана вся психика. Он по малейшему поводу впадал в безудержную истерику, и не мог произнести ни одного связного слова, без конца захлебываясь слезами.

Лоарин вначале пытался говорить какие-то успокаивающие слова, дружески поддержать юношу, но все было тщетно. И хотя общее состояние юноши улучшалось, до выздоровления было еще очень далеко.

Архимаг, оставив попытки достучаться до Ростислава, вышел из комнаты. Ломдар-Каюн вышел следом.

– Жалкое зрелище, – сказал Архимаг, идя по коридору. Он соизмерял шаги, чтобы старый учитель мог за ним угнаться.

– Нет, Великий, ты не прав, – сказал Ломдар-Каюн, – Ростислав подвергся неожиданному нападению, и, судя по мощности заклинания, даже ты не смог бы в полной мере защитить себя.

– Почему не сработала ни защита, ни оповещение? – спросил Лоарин, – Магия Тьмы в самом сердце Радужного Города, а мы узнаем только утром, обнаружив Избранника у себя в комнате захлебывающимся слезами?

– Никто не говорил, что защита абсолютна, Великий, – Ломдар-Каюн сделал неопределенный жест рукой, – Просто так стало принято считать. Квостры слишком уж привыкли чувствовать себя в безопасности.

– Что мы можем сделать? Где моя дочь?

– Сделать?.. Практически ничего, я думаю. Хотя… – старый квостр ненадолго задумался, – Оптимально было бы вернуть родителей Ростиславу, это может ускорить выздоровление. А Лия либо на Грамбе, либо на Горнагаре. Причем, скорее всего, второе.

– Что сказать народу? Поползут слухи… – Архимаг вздохнул, – Посоветуй, учитель, я так устал делать выбор за других.

– Объяви, что Избранник собирает команду для удара по Аргаррону. Впрочем, команду надо и в самом деле собрать. Разве что Лию придется заменить другой ворожеей.

– А этот… Мирлас ничего не может сделать?

– Может и делает. Но разум мальчика в порядке, удар пришелся по душе. А над ней только всеблагой Ауррин властен.

– Так позови жрецов, пусть воззовут, – Лоарин посмотрел на учителя, – Неужели никто не догадался сразу?

– Боюсь, что жрецы Ауррина и сам Ауррин – разные вещи. Мы можем подождать день или два – мало что изменится. Понадейтесь на парня – он бывал даже аватаром, после чего вернул свою душу на место. Так неужели не справится с остаточным действием заклинания?

– Надеюсь, ты знаешь, о чем говоришь, старый друг, – сказал Архимаг и, прибавив шагу, свернул к себе.

Ломдар-Каюн остановился, тяжело опираясь на посох. Аргаррон реализовал то, о чем на последнем Совете говорил сам Ростислав – нанес болезненный точечный удар, выведя из строя самое опасное для себя оружие квостров – Избранника.

* * *

Жить не хотелось. Ростислав тщетно обшарил кровать в поисках лезвия, чтобы вскрыть себе вены. Лию утащило это ужасное заклинание, Архимаг и учитель разочаровались в нем, и в глазах остальных он, наверное, упал ниже некуда.

«Ну, и что ты из себя строил? – шептал мерзкий голосок в сознании, так похожий на голос Проводника, – Наигрался в рыцарей, романтик хренов?»

Ростислав не отвечал – все равно не было сил. Слезы так и лились ручьем, в горле першило от криков отчаяния, поселившегося в душе.

«Слюнтяй! – продолжал голос, – Тряпка!.. Что, правда глаза режет? Мальчишка, возомнивший себя спасителем мира!»

«Убирайся… – мысленно ответил ему Ростислав, – Ненавижу тебя…»

«Меня? – в голосе послышалась усмешка, – Ненавидь и себя, в таком случае, ибо ты – это я».

На улице постепенно темнело. Ростислав мимоходом отметил, что рыдает уже вторые сутки напролет. Он взял со стола кружку с водой и хлебнул. Вообще, ему казалось, что вся вода, которую он пьет, уходит на слезы, и больше ни на что.

– Ростислав, – сказал от дверей знакомый до боли низкий голос, – прекрати истерику, немедленно.

Юноша повернулся к говорившему и, подскочив, едва не свалился с кровати: в комнате стоял отец. Максим Коротков, заметно посвежевший, сейчас не выглядящий даже на свои неполные пятьдесят. Одет отец был в военную форму армии квостров, а над плечами торчали сложенные крылья, покрытые сероватыми перьями. В остальном отец практически не изменился: те же черты лица, но без следов нелегкой жизни, тот же блеск серых глаз, вокруг которых исчезли морщинки, на руках поубавилось морщин и мозолей.

Ростислав поймал себя на мысли, что перестал плакать, а мерзкий голос Проводника заткнулся сам собой.

– Папа… – только и выговорил он, – Ты…

– Я, сын, – Максим подошел к кровати и присел на край. – Твой учитель мне все рассказал.

– Папа… – Ростислав прильнул к отцу и обнял его, – Прости меня…

– За что, Ростислав? – удивился Коротков-старший, – За то, что ты честно пытаешься исправить свою ошибку? Или за то, что с чем-то не справился?

Юноша поднял на отца взгляд.

– Эта ноша, похоже, непосильна для меня… Ну не могу я справиться с этим… архидемон всегда на шаг впереди меня. Ну почему так?

– Не надо падать духом, – отец хлопнул Избранника по плечу. – Помнишь, что я сказал тебе, когда тебя хулиганы отлупили?

– Помню, – сник тот, – «Ты все еще живой».

– Именно. И пока ты жив, ты всегда можешь хоть что-то, да изменить. А к лучшему или к худшему, это уже от тебя зависит. Понял?

– Да, папа… – Ростислав вздохнул, – Спасибо тебе… за то, что ты пришел ко мне…

– Это учителю твоему спасибо. Он вышел с нами на связь и сказал, что тебе нужна наша помощь…

– Постой, а где мама?

– Маги еще не закончили с ней, – отец почесал затылок, – К тому же, чтобы освоится с новым телом, ей понадобится немного больше времени…

– Я к ней, можно? – Ростислав вскочил и быстро пошел к двери.

– Ростик, – окликнул его отец.

– А? – обернулся тот.

– Если собрался куда-то, надень хотя бы штаны, – отец беззлобно улыбнулся, – Вижу, природной скромности в тебе не осталось.

Ростислав ойкнул и вернулся к кровати. Взял со стула свою одежду и начал спешно надевать ее на себя.

– Вижу, ты совсем вырос, – сказал отец, – Сильным стал, и со стыдливостью своей смог что-то сделать. Ну, скажешь батьке, кто она?

– Что?

– Ничто так не меняет парней, как девушки, – отец заговорщицки подмигнул, – Ну так кто она? Твой учитель… Ломдар-Каюн, кажется?.. Так вот, он сказал, что твою возлюбленную похитили, но не сказал ее имени.

– А.. – протянул Ростислав, – Лия, ворожея, дочь Архимага Лоарина. Это местный правитель, я тебе говорил.

Максим рассмеялся.

– Да, Ростислав… Как же это непохоже на тебя – спасать, так весь мир, любить, так принцессу, воевать – так со вселенским злом.

Ростислав улыбнулся.

– Летать уже можешь? – спросил он.

– Нет еще, я только утром научился ходить и разговаривать в новом теле, – отец расправил и снова сложил крылья, – Покажешь, как этим пользоваться? Так это все дико, если честно… До сих пор, похоже, жду, что скоро все исчезнет, а вместо твоих квостров надо мной склонятся санитары.

Ростислав хихикнул:

– Знаешь, мне тоже сперва не верилось… Но это явь, совершенно точно.

– Все галлюцинации так говорят, – кивнул отец, но при этом улыбался, – Так как насчет поставить отца на крыло?

– Папа, ты видишь, у меня крылья немного другие… Лучше я скажу Т'зиро, и он тебя научит, хорошо? А то я боюсь что-то не так сделать.

– Ну, больше уверенности в себе, – отец снова похлопал Ростислава по плечу. При этом какие-то легкие движения совершало и крыло. Ростислав вспомнил, что раньше и сам не мог нормально координировать движения крыльев и рук.

– Сын, что ты думаешь делать дальше?

– Спасти Лию, конечно, – Ростислав дернул крыльями, не поняв, почему отец не понимает столь напрашивающейся истины, – Если получится, убью архидемона.

– Неправильный подход, – отец погрозил ему пальцем, – Вернее, неправильная расстановка приоритетов. Ты должен убить архидемона, а потом уже спасти любимую. И не возражай, одно вовсе не исключает другого, просто надо стремиться уничтожить главную опасность, а остальное тогда не будет сложным.

Ростислав упрямо наклонил голову.

– Так, – сказал отец, – Вижу, что сделаешь все равно по-своему. Что ж, дело твое, но я свое мнение тебе озвучил.

– Да, папа.

– Ты знаешь, что твой отряд уже собран? И что тебе надо завтра уже лететь? – спросил Максим.

– А мама? – Ростислав поднял взгляд, – Она скоро закончит?

– Дай магам отдохнуть, – сказал отец, – Я хотел, чтобы сперва воскресили ее, но Ломдар-Каюн сказал, что именно мое присутствие сейчас тебе нужно. Вижу, он был прав. Мать только усугубила бы твой приступ жалости к самому себе, хотя и хотела бы, как лучше.

Ростислав посмотрел в сторону. Мама… Ему вспомнились теплые руки и тихий ласковый голос, горячие пирожки, легкий запах лавандовых духов… Мама… После испытания у лотофагов он помнил даже стук ее сердца.

– Она все равно – мама, – тихо сказал он.

– Понимаю, сын, – отец подсел вплотную, – Но ты ведь уже большой мальчик, чтобы цепляться за мамин подол, не так ли? Вспомни, ты же победил могущественного призрака, одного из вражеских генералов. Боевое крещение, сын! Лучшей инициации во взрослую жизнь я придумать бы просто не смог.

Ростислав изумленно уставился на отца.

– Инициации?!..

– Ну да. Вспомни, кем ты был, и сравни, кем ты стал. Воин, чародей, принц…

– А раньше кем был? – задал Ростислав прямой вопрос. Отец помедлил, прежде чем ответить:

– Не обижайся, Ростик… Ты был тухлым мечтателем из тех, что живут миром собственных иллюзий. Мне это было больно видеть, но я понимал, что на что-то другое ты не способен в одиночку. А мне просто некогда было с тобой заниматься, и маме тоже.

Коротков-младший вздохнул. Отец озвучил прямым текстом то, до чего он и сам догадывался, но никогда бы не произнес вслух.

– Со щитом или на щите, сын, – сказал Максим, – Мне очень не хочется тебя отправлять на это авантюру, но раз уж мы с тобой влезли в это, так надо браться за дело всерьез. Я надеюсь, к твоему возвращению я сумею освоиться здесь и начать помогать тебе в твоем деле…

Ростислава в этот момент кольнуло смутное беспокойство. Непонятно почему, но ему не хотелось, чтобы отец, скажем, стал одним из воинов квостров, или пошел служить на летающий остров.

– Но Лия… Чем дольше я жду, тем меньше у меня шансов застать ее в живых. Надо лететь уже сегодня.

– Лети, сын, – сказал отец, – Ведь у тебя теперь есть то, о чем ты мечтал – крылья и любовь. За это стоит бороться.

– Да, – Ростислав обнял отца крылом, – За это стоит бороться…

http://tl.rulate.ru/book/100869/3456704